

Коста Хетагуров

Кому живется весело...

Коста Леванович Хетагуров

Кому живется весело...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21233724

Аннотация

Сатирическая поэма, написаны под непосредственным влиянием поэзии Некрасова Н.А.

Коста Хетагуров

Кому живется весело...

Подражание Н. А. Некрасову

В каком году – рассчитывай,
8 какой земле – угадывай,
На городском бульварчике
Сошлись под вечерок

Семь выгнанных чиновников,
Отчисленных начальников,
Правителей, грабителей
Народной нищеты...

Под липою развесистой,
На лавочке окрашенной,
По старшинству, по выслугам
Уселися рядком.

Кряхтят... Глазами мутными
Обводят всех гуляющих
И с мундштуков черешневых
Сосут табачный дым.

Подходит к ним развалисто

Старик в холщовом кителе,
В ботфортах препоясанных,
В фуражке боевой.

Глаза его на выкате,
Усы его с подвесками
И палка сучковатая
В мозолистой руке.

Чиновники раздвинулись
И дали место новому
Соратнику бульварному.
Садится... Все молчат.

Читали, – басом выпалил
Старик в усах с подвесками
И с сучковатой палкою,—
Сегодняшний приказ?

Правитель канцелярии,
Иван Иваныч Хапанцев,
Уволен по прошению
От должности своей...

Иван Иваныч? Батюшки!..
И новость скандалезная,
Как шилом, приподняла их
С окрашенной скамьи.

Иван Иваныч Хапанцев...
Не он ли осторожнейший,
Не он ли гениальнейший
Меж нами был делец?

Он сам дарил чиновников,
Он сам сменял начальников,
И вдруг ему капут.
За что такое времячко

Застигло нас тяжелое?
Дохнуть нельзя чиновнику —
Ложись и помирай!..
Иван Иваныч!.. Бедненький...

Ведь это осторожнейший,
Ведь это гениальнейший
Чиновник... Ах, как жаль!
—Вам жаль? Его – мошенника,—

Вновь, как из бочки, выпалил
Старик в усах с подвесками
И с сучковатой палкою,—
Я выгнал бы давно!..

Иван Иваныч Хапанцев,
Бесспорно, осторожнейший,
Бесспорно, гениальнейший
Меж вами был паук.

Вы все собирали крупными,
А он себе тихохонько
И с нищего, прохожего
Абаз последний брал.

За корпус и гимназию
Вы брали бы три радужных,
А он мне дал стипендию
За тридцать два рубля.

Но все ж его грабителем
Могу назвать по совести
Всегда, везде, при всех.
А служба наша царская,

Обязанность гражданская
И правда современная
Не терпят уж воров.
Да и о вас, почтенные,

Хотя вы мне товарищи,
Скрывать не стану истины —
В Сибири место вам!..
– Кого в Сибирь? За что в Сибирь?!

Окрысились чиновники,
Как совы встрепелулися,
Кричат на все лады.

– Вы криком беспорядочным,—

Начал уже октавою
Старик в усах с подвесками
И с сучковатой палкою,—
Меня не испугаете:

Я старый воробей.
Хотите слушать истину —
Я вам ее поведаю
Сейчас же без прикрас.

И сами вы уверитесь,
Что вам, друзья любезные,
За все дела служебные
В Сибири только жить.

Вот ты хоть, Голубятников,
Взгляни ясней на прошлое:
Каким путем-дорогою
Ты угодил под суд?

Родился чуть не за морем.
Приехал к нам с родных степей
В страну лесов, в страну зверей —
Признайся-ка, зачем?

Не доблесть ли гражданская,
Не служба ли отечеству

В такую даль туманную
Тебя влекли? Ничуть!..

Не знал, куда на родине
Свою склонить головушку,
Приниженный, обиженный
И богом и людьми;

Озлобленный, оборванный,
Едва-едва лишь грамотный,
Ты в этот край «погибельный»
Пустился на авось...

И что ж? Успех огромнейший!
В то время незабвенное
Ценили очень дорого
Таких плутов, как ты.

Начав почти со сторожа,
Сгибаясь в три погибели,
Змеей вползая в щелочки,
Ты быстро шел вперед.

Страстям покорный низменным,
Ты нивы благодатные
Топтал ногами грязными
Усердно, как лакей.

Без чувства благородного

Везде, у всех и каждого
Ты чувства благородные
Старался подорвать.

Как враг объединения,
Любви и примирения,
Ты внес в среду народную
Лакейство и разлад.

Чего плестись сторонкою,—
Метнулся Голубятников
И, головой мотаючи,
Бессвязно стал визжать:

Сорока белобокая
Сильнее празднословием —
Ты факты мне подай!
— Изволь, изволь, любезнейший, —

Держал ответ с улыбкою
Старик в усах с подвесками
И с сучковатой палкою,—
За фактом не стою.

Считай: в селе Неелове
Ты Фомку Конокрадова
За лошадь иноходную
Назначил старшиной;

Писцом села Дырявина,
Пустопорожней волости,
Назначил ты острожника
 За бурку и башлык;

Поймав почтограбителя
И сняв с него дознание,
Ты с ним вошел в компанию
 И взял в задаток шаль;

Писцов своих записывал
Ты в конную милицию
И сам их содержание
 По штату получал;

С наград и содержания
Подведомстных чиновников
Удерживал, как должное,
 Двенадцатую часть...

Ах, батюшки!.. Совсем чудак...—
Тут взвизгнул Голубятников:
И знаки уважения
 Считает он за грех!.

Га! Знаки уважения...—
Заготовал неистово
Старик в усах с подвесками
И с сучковатой палкою,

Покручивая ус.—

Изволь, изволь, любезнейший,
Тебе поверю на слово,
Но это все ведь присказки,
А сказка впереди.

Едва, едва фамилию
Свою умел подписывать,
А тут талант писательский
Ты обнаружил вдруг.

По селам и урочищам
Уезда Терпигорева
Плоды своей поэзии
С курьером рассылал.

Твой приговор общественный
По полноте и замыслу
Навряд найдет соперника
В поэзии мировой.

Народные традиции,
Поверия, обрядности
Разрушить не задумался
Ты почерком пера.

Для проявления радости
И горя не замедлил ты,

Под страхом разорения,
Создать один шаблон.

Параграф за параграфом,
Как птицы перелетные,
Тянулись вереницею,
Выкрикивая: штраф!..

Кто стянет из-под курочки
Яичко полутухлое,—
Параграф усмирительный
Ты вставил в заключение,—
Того вдобавок сечь».

И эти нарушения
Законов государственных
Ты в селах Терпигоревских
Заставил подписать.

А если кто откажется,—
Писал приказ ты с нарочным,—
Того связать и тотчас же
Ко мне!.. Он бунтовщик!»

И приговор общественный
По селам и урочищам
Уезда Терпигорева
Был принят, как закон.

И тень лишь подозрения —
И с мала и с великого,
Толпе на посмеяние,
Народу в посрамление,
Ты стал снимать портки.

И штрафы вереницею,
Как птицы перелетные,
Отвсюду потянулись
В бездонный твой карман.

И этой верой-правдою
Ты в центре Терпигорева,
Как вызов правосудию,
Воздвиг кирпичный дом.

И к вдовушке безвременно
Усопшего начальника
На долг двадцатитысячный
Ты вексель предъявил.

И все б сошло, как должное,
Но жадность непомерная
И подати казенные
Хотела поглотить...

Вот тут тебя и сцапали,
Вот тут-то ты и съежился...
И жаль, что не спровадили

Тебя на Сахалин».

Да, жаль, что не спровадили,
Заерзал Голубятников
И, головой мотаючи,
Добавил – Право, жаль...

Чем у себя на родине
Среди друзей-приятелей
Сносить лишь оскорбления,
Так лучше – Сахалин.

И грустью беспредельною,
И мыслью безотрадною,
Как тучей беспросветною,
Подернулись глаза;

И зонтом парусиновым,
Глубоко опечаленный,
Безмолвно, бессознательно
Он стал ширять песок.

Ну, ну прости, любезнейший,—
Смеясь, прервал молчание
Старик в усах с подвесками
И с сучковатой палкою:
– Прости, – я пошутил.

Хотел лишь по-приятельски

С тобою позабавиться,
А ты уж и насупился.
Ну, полно, говорю...

Известно нам доподлинно,
Что парень ты бесхитростный
И на скамью грабителей
Ошибочно попал.—

И он рукой мозолистой,
Заготовав неистово,
Поникшего приятеля
Похлопал по плечу.

И речь его игривая
Понравилась чиновникам,
И все они улыбочкой
Почтили старика.

А ты чего оскалился? —
Свернул он неожиданно
К соседу праворучному,
К Подлизову Кузьме.

И сладкая улыбочка
Под взором вызывающим
Исчезла, как видение,—
Мой Кузька заалел.

Грехи, грехи тяжелые
Достались нам в наследие
От первых прародителей,—
Старался он шутить:

И кто из нас, наследников
Адамовых и Евиных,
Свободен в убеждениях?
Безгрешен только бог...

Завидную теорию,—
Заговорил октавою
Старик в усах с подвесками,—
Вы создали себе.

Но в этом снисхождении
К неволе человеческой
Немного оправдания
Для воров и плутов.

А вот тебе, любезнейший,
Надежды на спасение
За пошлость виртуозную
В талмуде даже нет.

Едва ли не с рождения
Ты зависть неусыпную
И злобу ненасытную
Воспитывал в себе.

Под маской миролюбия
Лишь чувства озлобления
Ты к людям без изъятия
Предательски таил.

Улыбкой изощренною
И лаской лицемерною
Ты сердце незлобивое
К себе располагал.

Затем его доверие
И теплое участие
Для целей мерзкопакостных
Топтал и попирал...

Но речью отвлеченною
Вниманье просвещенное
Почтенных собеседников
Не буду утомлять:

Подробной анатомией
Сердчишка загрязненного
Я воздух упоительный
Не буду насыщать.

Я память ослабевшую
Верну лишь к обстоятельствам,
Имеющим значение

Немалое для нас.

Окончив курс училища
В селе Неурожаеве,
В сельское же правление
Ты поступил писцом.

Таланты не замедлили
Тотчас же обнаружиться:
Подложной перепискою
Ты наводнил уезд.

Но тесной показалася
Арена подвизания,
Карьера незавидная
Дурачить мужиков.

Надеясь на способности,
Ты перешел в губернию
И в должности сверхштатного
Три года проскрипел,

Три года был помощником,
И наконец зачислили
Тебя столоначальником...
Мой Кузька зашагал.

За тридцать лет служения
Смиренного усердия

И всякого «способия»
Ты власть заполучил,

И мысли затаенные,
И думы сокровенные
На воле беспрепятственной,
Как розы, расцвели:

Квартирами казенными,
Холодными и теплыми,
Ты без зазренья совести
Принялся торговать;

Правления и должности,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.